

Тимофей Дмитриев

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ 1945 ГОДА

Рецензия на книгу:

Политическая философия в Германии: Сборник статей. Под ред. О. Хёффе и Й. Изензее / Пер. с нем. Д. Мироновой и С. Погорельской. М.: Современные тетради, 2005. — 520 с.

Сборник статей под редакцией известного немецкого философа Отфрида Хёффе и одного из ведущих специалистов Германии по конституционному праву Йозефа Изензее отражает развитие политической философии в Германии за последние 50 лет. В нем представлены различные направления немецкой политической мысли и различные поколения ученых. Из двадцати семи статей сборника первая вышла в свет в 1957 году, последняя — в 2000 году. Таким образом, перед нами довольно репрезентативная подборка идей, концепций и мнений, с самых разных сторон освещающих развитие политической философии в Германии. Тем не менее, несмотря на всю эту многоцветную палитру идей, концепций и мнений, представленных в сборнике, у статей, опубликованных в нем, есть нечто общее, что их объединяет. Это — идея конституционного государства в том виде, в каком она сложилась в европейской политической и правовой традиции. Идея конституционного государства понимается в данном случае как единство трех его важнейших характеристик — демократии, прав человека и принципа разделения властей. В то же самое время авторы-составители сборника справедливо отмечают, что принципиальное согласие с идеей конституционного государства вовсе не отменяет необходимости ее критической оценки как в отношении ее различных интерпретаций, так и в отношении ее практической реализации. Этот круг проблем также нашел свое отражение в статьях, опубликованных в сборнике.

Несмотря на то, что в статьях сборника затрагивается широкий круг актуальных вопросов современной политической теории и практики, в центре

внимания авторов сборника находятся прежде всего вечные и вечно актуальные вопросы политической философии — о справедливости, о соотношении права и морали, о необходимости государственной власти, ее задачах и пределах. При этом на идеи и концепции, развиваемые авторами сборника, накладывает неповторимый отпечаток своеобразие той политической и культурной ситуации, в которой немецкие академические круги оказались после поражения нацистской Германии во Второй мировой войне и крушения нацистской диктатуры. В условиях, когда немецкая национальная идея оказалась дискредитированной идеологией и практикой гитлеровского национал-социализма, конституционному государству ФРГ было суждено стать той новой политической реальностью, которая определила лицо новой Германии и стала основой ее новой идентичности. Вполне вероятно, что именно этим обстоятельством объясняется также то, что подавляющее большинство авторов сборника придерживается политических воззрений умеренно-либеральной и умеренно-консервативной ориентации, а через многие помещенные в нем статьи красной нитью проходит полемика с представителями «критической теории», а также со сторонниками либертариистских, марксистских и постмодернистских взглядов в современной политической философии.

Тематически сборник распадается на пять основных разделов, каждый из которых посвящен одному из ключевых для политической философии Германии XX века вопросов: свободе, демократии, задачам государства, политической этике и проблемам европейского единства и глобализации. Центральное место, отведенное в сборнике идее политической свободы и ее практической реализации, не является случайным, но вполне естественно следует из либеральной традиции западной политической мысли, основные положения которой в той или иной форме разделяются подавляющим большинством авторов сборника. При этом сама категория свободы рассматривается авторами не абстрактно, в отрыве от социально-исторического контекста своего практического осуществления, но, в полном соответствии с духом гегелевской философии, конкретно, т. е. в том виде, в каком она находила свое воплощение в различных государственных формах в западном мире в современную эпоху. В западной традиции политического мышления модерна вопрос о свободе неразрывно связан с вопросом о государстве потому, что в современном обществе именно государство создает и обеспечивает как правовые, так и реальные условия для развития и самоутверждения свободной личности. При этом если для Гегеля вершиной прогрессивного развития всемирной истории служила прусская монархия 1830-х годов, то для авторов сборника наилучшей формой институционализации политической свободы служит конституционное правовое государство, развившееся в ФРГ, ряде других европейских стран и США в современную эпоху. «Основанное на политических принципах либерализма свободное конституционное государство, — пишет Петер Граф Киельмансег, — которое мы называем репрезентативной демократией или, нередко, просто демократией, существуя уже около двухсот лет, до сих пор остается

успешнейшей из всех известных нам в истории человечества форм институционализации политической свободы» (с. 123)¹. В современном обществе правовые условия формируются благодаря тому, что государство защищает жизнь, собственность и свободу граждан, используя для этого свою монополию на легитимное физическое насилие. Переход от абсолютистского образа правления, характерного для ведущих европейских держав раннего Нового времени, к правовому и конституционному государству характеризуется тем, что государство и его органы власти ограничивают свои задачи защитой безопасности граждан и охраной их собственности. Своего совершенства правовое государство достигает, однако, тогда, когда оно предлагает своим гражданам защиту не только от сограждан и внешнего врага, но и от самой государственной власти, иными словами, тогда, когда государство на конституционном уровне обеспечивает личные и общественные свободы граждан, признает их личные права и создает правовые гарантии против злоупотребления властью со стороны должностных лиц. В современном государстве средством подобного обеспечения свободы граждан служит разделение властей, которое ограничивает возможность применения физического насилия со стороны исполнительной власти и делает деятельность органов государственной власти доступной для критики и контроля со стороны граждан. «Без разделения властей, — пишет Мартин Криле в статье „Права человека и разделение властей“, — основные права ничего не значат» (с. 26). В итоге в политической практике европейского и, шире, западного мира сложилась основополагающая триада: «основные права человека — разделение властей — демократия», которая выражает собой сущность конституционного государства. Эта триединая формула стала основой политического развития современного западного мира. Как справедливо отмечает уже упомянутый выше Мартин Криле, давая идеально-типическое изображение политического развития западного мира в последние три-четыре века, за это время «права человека, разделение властей и принцип демократического представительства слились в одно институциональное единство, ставшее ядром демократического конституционного государства. Эта форма государства — в различных ее вариантах — например, с монархическими, президентскими или же парламентскими формами правления, федеральными или унитарными структурами и т. д. — с тех пор широко распространилась по всему миру, прежде всего — в Европе и Америке» (с. 24; перевод исправленный. — *Т.Д.*). Таким образом, в современном западном мире именно разделение властей служит главной гарантией свободы: разделение властей составляет основу правового государства, правовое государство есть основа политических и гражданских прав человека, а эти права, в свою очередь, служат основой работоспособной демократии.

В то время как правовое государство защищает права граждан от произвола со стороны должностных лиц, демократия позволяет им принимать

1. Здесь и далее в скобках в тексте указываются страницы рецензируемого сборника.

участие в реализации государственной власти, т. е. если не в формировании, то, по крайней мере, в одобрении или отвержении государственной политики и ее отдельных конкретных направлений. В современном обществе демократическое участие граждан в реализации государственной власти служит главным средством ее легитимации. Иными словами, в современную эпоху демократия служит основополагающим политическим принципом, легитимирующим существование государства: вся власть в государстве исходит от народа. Это означает, что любые действия государственной власти должны основываться на воле народа, которая может быть выявлена как прямо, путем проведения референдумов и плебисцитов, так и косвенно, — путем избрания народных представителей, которые, в свою очередь, призваны формировать правительство и осуществлять контроль за его деятельностью.

Современное понятие демократии предполагает наличие правового состояния граждан. Это означает, что демократия может существовать и быть действенной лишь в том случае, если народ располагает гражданскими и политическими правами. Там, где не существует разделения властей, нет никакого смысла говорить о демократии. Если нет правового общества, то нет и свободы, и в этой ситуации народ оказывается лишенным возможности сформировать свою волю и реализовать ее на государственном уровне. Как справедливо замечает в этой связи Мартин Криле, «сегодня не существует иной легитимности, кроме права и демократии. Почти все современные государства построены не по национальному, а по территориальному принципу — их границы разделяют жизненное пространство одних этнических групп и сводят другие группы воедино. Не обычаи, не нравы и не религия лежат в основе таких государств. Ни один из этих традиционных принципов не может быть основой их легитимности. Поэтому они либо черпают свою внутреннюю легитимность из права, либо не имеют ее вообще» (с. 28). В этой связи можно вспомнить и Карла Шмитта, писавшего в 1963 г. о том, что в современном европейском государстве «имеется республиканская легальность, и как раз она является единственной формой легитимности в республике»². Иными словами, по мнению авторов сборника, единственную действенную основу внутренней легитимности государственной власти в современную эпоху составляет право.

Наконец, в XX в. к правам человека и правовым и демократическим положениям конституционного государства добавляется еще одна важная функция государства, а именно — обеспечение социальной безопасности граждан в условиях рисков, создаваемых развитием рыночно-капиталистической экономики как внутри отдельных стран, так и на уровне мирового хозяйства в целом. Благодаря проведению органами государственной власти социальной политики, направленной на поддержку малоимущих и наиболее уязвимых в социально-экономическом плане слоев общества, современное государство становится не только правовым, конституционным и демократиче-

2. Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. С. 127.

ским, но еще и *социальным*. «Обеспечивая социально слабым гражданам тот прожиточный минимум, который необходим для сохранения их человеческого достоинства, социальное государство перенимает тем самым ответственность за обеспечение предпосылок, необходимых для функционирования закрепленных в конституции гражданских свобод» (с. 10)³. Попытка теоретического обоснования практики социального государства предпринята в работе правоведа Эрнста Рудольфа Хубера «Правовое и социальное государство в современном индустриальном обществе» (с. 166–188). Отталкиваясь от статей 20 и 28 немецкого Основного Закона (Конституции ФРГ), в которых зафиксировано, что Федеративная Республика Германия является социальным правовым государством, он пытается показать, как возможно объединение этих двух государственных идей в условиях современного индустриального общества. Опыт политического и социального развития Европы в современную эпоху свидетельствует о том, что взаимоотношения между теорией и практикой правового и социального государства никогда не были безоблачными. «Под „правовым“ государством, — пишет Хубер, — понимается такая государственная система, целью которой является свобода каждого отдельного ее гражданина. Под «социальным» же государством понимается система, нацеленная на благо всех, на благо общества в целом. Правовое государство обеспечивает индивидуальную свободу, тогда как социальное государство обеспечивает общественное благо. Однако индивидуальная свобода и общественное благо — как в теоретическом, так и в практическом отношении — находятся в постоянных противоречиях друг с другом» (с. 166–167; перевод исправлен мной. — *Т.Д.*). Отвечая на вопрос о том, как возможно осуществление единства социального и правового государства, автор развивает мысль о том, что в условиях современного индустриального общества защита свободы личности — главная цель правового государства — может быть осуществлена только на основе социального государства. Если историческое происхождение правового государства связано с противоположностью и конфликтом государства и гражданского (буржуазного) общества, то исторические начала социального государства лежат в противоположности государства и индустриального (промышленного) общества. «Подобно

3. Попытка философского обоснования практики деятельности социального государства в ФРГ с опорой на понятие «субсидиарности» предпринята в сборнике в статье Отфрида Хёффе «Субсидиарность как государственно-философский принцип» (с. 442–456). Суть этого понятия, которое ведет свое происхождение из социального учения католицизма, сводится к тому, что общество понимается в нем как деятель, обслуживающий других, в том числе и в плане предоставления гражданам минимальных гарантий материального существования. При этом в соответствии с принципом субсидиарности, на деятельность социального государства по обеспечению гарантий материального существования граждан накладываются строгие ограничения: такая деятельность не должна подавлять инициативу самого общества. «Не одно полномочие (по оказанию помощи индивидам. — *Т.Д.*), — пишет Хёффе, — не может превышать пределы необходимого. Что может осилить индивидум, не должна брать на себя община. Что может осилить община, не должны брать на себя высшие инстанции» (с. 446).

тому как понятие „правовое государство“ было продуктом буржуазной революции, понятие «социальное государство» является продуктом революции индустриальной» (с. 173). Развитие современного индустриального общества нуждается в растущем государственном вмешательстве. Поэтому современное социальное государство — это государство *социального вмешательства*. В то же самое время, как справедливо отмечает Хубер, было бы большим заблуждением видеть в практике государственного вмешательства в деятельность индустриального общества стремление построить «государство социального обеспечения» или «государство всеобщего благосостояния», проводящего образцовую и всеобъемлющую социальную политику. Скорее, смысл многообразных мероприятий социальной политики и социальных реформ, которые проводятся современным социальным государством, лежит в плоскости осуществления *социальной интеграции*. Под последней понимается «*процесс единения индустриального общества, протекающий в постоянном преодолении имманентно присущего этому обществу специфического классового конфликта*» (с. 177). Иными словами, политика современного социального государства в странах Западной Европы вообще и в Федеративной Республике Германия, в частности, строится на понимании индустриального общества как общества классового, с имманентно присущим этому обществу классовым конфликтом, а социального государства — как проводника политики социальной интеграции, призванной смягчить и гармонизировать этот конфликт. Конечным результатом этой политики, на постоянное осуществление которой должно быть направлено государственное вмешательство, является поддержание такого состояния общества, при которой «каждый член общества отвечал бы за всех, а все члены общества — за одного».

Таким образом, в статьях, опубликованных в сборнике, вырисовывается достаточно определенная картина логики развития современного национального государства в европейском мире. Ее отправной точкой служит минималистское государство гоббсовского типа, «государство нужды и рассудка» (Гегель), которое ограничивает свои функции защитой жизни и имущества своих подданных, главным же функциональным эквивалентом его деятельности является поддержание гражданского мира и согласия. Благодаря правовому государству, которое впервые наделяет правом человека как такового, безотносительно к его происхождению и положению, становится возможной свобода индивида в современном обществе. Однако эта ступень представляет собой только начальную фазу эволюции современного государства. На следующей ступени его развития «государство нужды и рассудка», оберегающее гражданский мир и жизнь своих подданных, превращается в конституционное государство за счет разделения властей и признания основных прав человека и гражданина. Признавая право граждан на личную свободу и на защиту не только от сограждан и внешнего врага, но и от злоупотребления властью со стороны своих собственных органов власти и должностных лиц, современное правовое государство обретает новое качество. Третья фаза развития современного конституционного государства связана с реализацией прав граждан на политическое участие;

на этом этапе благодаря осуществлению суверенитета народа и распространению института всеобщего избирательного права появляется демократическое конституционное государство. Наконец, в XX веке демократическое конституционное государство становится, помимо всего прочего, социальным государством, обеспечивающим минимальные гарантии материального существования и трудовой занятости граждан (социальное государство) или же права граждан на свою долю в общественном богатстве (государство всеобщего благосостояния). В современную эпоху, когда человечество сталкивается с новыми глобальными угрозами, — загрязнением окружающей среды, распространением оружия массового поражения, ростом неравенства между развитыми и развивающимися странами — перед демократическим конституционным государством встают новые вызовы. Поиску ответов на некоторые из них посвящены заключительные разделы сборника, в которых основное внимание уделено проблемам политической этики, а также евроинтеграции и глобализации.

В то же самое время, если сам сборник статей, отражающий развитие политической философии в Германии в последние пятьдесят лет, принципы его построения и отбора статей следует признать безусловно удачными, то ничего подобного нельзя сказать о качестве его перевода, которое оставляет желать много лучшего. Складывается впечатление, что авторы не всегда пребывают в ладу с русским языком, что находит свое выражение, в частности, в лишенном всякого смысла и существенно затрудняющем восприятие статей сборника калькировании слов и понятий, для которых существуют прекрасные и общеупотребительные эквиваленты в русском языке. Речь идет о таких словах и выражениях, как «президиальные или же парламентарные формы правления» (с. 24) вместо «президентские и парламентские формы правления», «акцептирование» (с. 27) и «акцептировать» (с. 443, 448) вместо «принятие» и «принимать», «эффицентный контроль» (с. 30) вместо «эффективный контроль», «дебатировать» (с. 443) вместо «обсуждать», «профитировать» (с. 156, 196, 451) вместо «извлекать пользу» или «получать прибыль», и даже «легислатива и экзекутива» (с. 129, 453) (Sic! Да, именно так!) вместо «органы законодательной и исполнительной власти», «юдикативная власть» (с. 169) вместо «судебная власть», «экстремы» вместо «крайностей» (с. 128), «дефинировать» (с. 455) вместо «определять». На этом фоне особенно умилительно выглядит перевод названия одного из трудов Канта «Трактат о мире» (с. 338), «О вечном мире» (с. 301) или о «О вечном покое» (с. 480) — имеется в виду знаменитая работа Канта «К вечному миру» («Zum ewigen Frieden», 1795).

Однако подлинная катастрофа происходит на страницах сборника тогда, когда речь заходит об известных философах, политических ученых, социологах и юристах, на идеи и концепции которых ссылаются авторы статей, опубликованных в сборнике. Складывается такое впечатление, что переводчики понятия не имеют об устоявшихся транскрипциях имен и фамилий этих уважаемых людей, составляющих славу и гордость западной традиции философской и политической мысли. В результате по страницам

сборника, как некогда по Европе, бродят целые сонмища призраков, наводя ужас на неискушенного читателя, не привыкшего сталкиваться с подобного рода упырями и вурдалаками. Здесь Вам и Гротиус вместо Гуго Гроция (с. 22) и Францискус фон Аззизи и Франц фон Аззизи вместо Франциска Ассизского (кстати, эти близнецы-братья встречаются на одной, отдельно взятой с. 33), и Макиавелли в своем комментарии к Ливиусу (с. 54; имеется в виду работа Макиавелли «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия»), и Альтузиус вместо Альтузий (с. 112, 444, 449), и Острогорски вместо Острогорский (с. 116, 120), и Томас Пэн (с. 127, 131) вместо Томаса Пейна, и Сийе (с. 128–129) вместо Сийес, и Бэрк (с. 131) и Берк (с. 278) вместо Бёрка, и Джорж Сорел (с. 156; хорошо хоть, что не Джордж Сорос!) и Жорж Зорель (с. 272) вместо Жорж Сорель, Раулс (с. 191, 193–195, 197) и Роулс (с. 276, 278) вместо Ролза, Джон Девей (с. 444) вместо Джона Дьюи, и Желлинек (с. 444) вместо Еллинек. Особенно не повезло в этом плане Юргену Хабермасу, которого переводчики, по им одним известным причинам, настойчиво именуют Габермасом (с. 100, 134, 136, 280–281, 284, 320). Правда, его собратом по несчастью можно с полным правом счесть Майкла Уолцера, которого переводчики, руководствуясь, вероятно, старым принципом, — «догадайся мол сама, о ком идет речь», — постоянно переключаются то в Велсера (с. 281), то в Вальцера (с. 518). Иными словами, имя подобного рода призракам и оборотням, населяющим страницы сборника — легион, за что, безусловно, отдельное «спасибо» его переводчикам. Впрочем, для искушенного и не слишком суеверного читателя это досадное обстоятельство вряд ли станет непреодолимым препятствием на пути знакомства со всем тем богатством идей, суждений и мнений, нашедших свое отражение в рецензируемом сборнике, которые, следует отдать ему должное, представляет собой превосходную, хотя и не исчерпывающую панораму развития политической философии Германии за последние пятьдесят лет.